

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ХЕНРИК
ФЕКСЕУС

ХОД КОНЯ

Москва

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Железный крест (Tyskungen)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

Серебряные крылья (Vingar av silver)

Кукушонок (Gökungen)

Романы Камиллы Лэкберг и Хенрика Фексеуса:

Менталист (Box)

Ход коня (Kult)

(продолжение следует...)

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ХЕНРИК
ФЕКСЕУС

ХОД КОНЯ

Москва

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg, Henrik Fexeus

KULT

Copyright © 2022 Camilla Läckberg

Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

Иллюстрация на обложке

Анны Кроник и Мирослава Жарского

Лэкберг, Камилла.

Л92 **Ход коня / Камилла Лэкберг, Хенрик Фексеус ; [перевод с шведского О. Б. Боченковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.**

ISBN 978-5-04-210264-6

Из детского сада в Стокгольме бесследно исчезает маленький мальчик. Инспектор полиции Мина Дабири и ее коллеги быстро обнаруживают сходство обстоятельств исчезновения с другим, более ранним похищением ребенка. Тогда все закончилось очень плохо. Но никаких связей между этими двумя детьми и их семьями нет. А затем происходит еще одно похищение – по той же схеме. И снова ни единого следа...

Отчаявшаяся Мина обращается к знаменитому менталисту Винсенту Вальдеру, который не так давно помог ей с очень трудным и опасным делом. Выясняется, что, если представить город как шахматную доску, похищения происходят в соответствии с известной шахматной головоломкой «Ход коня». И если не остановить безумного шахматиста, то похищенных и убитых детей будет еще больше...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-210264-6

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык,
2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Первая неделя

Фредрик убеждается — вот уже, наверное, в сотый раз, — что сквозь пластиковый пакет ничего не видно. Он не хочет испортить сюрприз. Утирает распаренное солнцем лицо — верные плюс двадцать девять. Несмотря на жару, Фредрик предпочел проделать путь от офиса в Сканстulle, что неподалеку от Цинкендамма, до детского сада Оссиана пешком. Сегодня среда, но получилось уйти с работы раньше обычного. В такую жару мало кого волнует график. Большинство коллег уже сидят за холодным пивом в открытых ресторанах под тентами.

Прогулка заняла не больше двадцати минут, и все-таки не мешало прихватить бутылку с водой. Рубашка липнет к потной спине, рукава закатаны. Пиджак, конечно, пришлось снять.

Фредрик снова проверяет пакет. Большая коробка, ручки еле сходятся. Для них с Жозефин до сих пор остается загадкой эта страсть Оссиана к автомобилям. Ни Фредрик, ни она никогда не интересовались ничем подобным. Правда, Оссиану удалось заразить отца «Лего»...

Рекомендуемый возраст — 10+. Оссиану пять, но Фредрик уверен, что малыш справится. Он умный. «Иногда умнее отца», — отмечает про себя Фредрик и смеется. Впрочем, на этот раз и папа не оплошал. Только очень сообразительный отец мог купить «сюрприз», способный удержать сына в четырех стенах в лучшие дни лета. Поэтому что, судя по всему, дело обстоит именно так. И завтрашний день будет не менее солнечным.

Оссиан ведь с утра до вечера на свежем воздухе. Так уж он устроен. Дома мечется, как зверь в клетке, если нет нового «Лего». Может, стоило бы показать его врачу, но Жозефин с этим не торопится. Активность Оссиана здоровая, так что оснований для беспокойства нет. Других детей и в пятилетнем возрасте не оттащишь от родительских смартфонов, и даже врачи ничего не могут с этим поделать. Грустно.

Фредрик входит в ворота детского сада в Бакене и смотрит на часы. Однако же быстро он дошел... Похоже, они еще не вернулись из парка.

— «Эй, секси-леди...» — мурлычет Фредрик, поднимаясь на холм за корпусом подготовительной группы.

Gangnam style¹ — на сегодняшний день любимая композиция Оссиана. «Стоит только поддаться», — улыбается про себя Фредрик. Они с Оссианом даже танцевали под нее. И не просто так, а тщательно прорабатывали хореографию.

На холме небольшая игровая площадка и деревья, среди которых так удобно прятаться. Для Оссиана это целый лес.

— «Оппан гангнам стайл!» — бормочет Фредрик.

И дети, ростом чуть выше его колена, на пару секунд забывают про игры и останавливаются в замешательстве. На них желтые жилеты с логотипами разных дошкольных учреждений. Этот парк — популярное место. Звонкие детские голоса висят в воздухе. Похоже, «Лего Техник» придется отложить до другого раза. Этот день просто создан для игры в прятки. Домой можно не торопиться, Жозефин обещала позаботиться об ужине. Он оглядывается и видит Тома, одного из воспитателей.

— Добрый день! — улыбается Фредрик.

Том сосредоточенно вытирает нос одному из своих подопечных.

— «Опп-опп-опп», — подхватывает он привязчивую мелодию. — Угадайте, кто у нас сегодня выбирает музыку...

¹ Песня южнокорейского исполнителя и автора песен PSY.

— А я предупреждал. — Фредрик поднимает указательный палец. — К концу недели вся ваша группа будет танцевать под «Гангнам». Но где же наш диск-жокей? Что-то я его не вижу...

Том отпускает малыша и на секунду задумывается.

— Посмотрите на качелях, — советует он. — Он часто там пропадает.

Ясное дело. Когда Оссиан устаёт от беготни, он любит покачаться на качелях. Точнее, просто посидеть. Качели — его любимое место уединения, где никто не мешает размышлять о мировых проблемах.

Фредрик направляется к качелям. Все они заняты, но Оссиана нет ни на одной. Фелисия, старшая подруга Оссиана, отходит от качелей. Фредрик бросается за ней.

— Эй, Фелисия, ты не видела Оссиана?

— Видела, давно.

Фредрик хмурится. В душу закрадывается смутное подозрение. Разумом он понимает, что это не более чем отблеск чрезмерной родительской опеки, которая даёт о себе знать при первой возможности, вне зависимости от того, есть ли для нее основания. Совершенно иррациональное чувство. Наверное, было бы кстати где-нибудь в африканской саванне, где за каждым кустом смерть, но здесь, в центре Стокгольма, ему нет никакого оправдания.

Умом Фредрик это понимает, но тревога неприятным холодком ползет по затылку. Большая коробка «Лего», еще недавно казавшаяся такой замечательной, теперь только мешает.

Фредрик снова поднимается к Тому:

— Его нет на качелях.

— Хм... странно. — Том просматривает список детей. — Он должен быть... или нет, подождите. Женя с группой малышек вернулась в корпус. Наверное, Оссиан захотел в туалет и ушел с ними. Извините. Разумеется, она должна была поставить меня в известность, но вы ведь знаете, как это бывает...

Конечно, Фредрик это знает. Неприятное чувство пропадает, и он вздыхает с облегчением. Женя и Том — ответственные воспитатели, но дети — живые люди, с почти невероятной способностью вечно оказываться не там, где их ожидают найти.

Том смущен, и Фредрику становится его жалко. Как бы то ни было, с детьми нельзя расслабляться. Другие родители закатывают скандалы по куда меньшему поводу.

— Да, конечно, — торопливо соглашается Фредрик. — Хороших выходных, Том! Увидимся в понедельник. Оп-па-оппа!

Он бежит обратно к подготовительному корпусу. Дверь нараспашку. Фредрик входит в прихожую, с именными крючками на стенах и платяными шкафами с выдвигающимися ящиками. Крючок Оссиана пуст, что само по себе ничего не значит. Если сын в туалете, его куртка может валяться там на полу. Или, если уж на то пошло, где-нибудь на игровой площадке. Что было бы совсем не удивительно, с учетом жары. Зачем ему вообще куртка в такой день?

— Оссиан? — Фредрик стучит в дверь первого попавшегося туалета. — Оссиан, ты здесь?

Женя идет к нему по коридору. За ее спиной двое малышей трясут перед носом друг друга перепачканными краской пальцами, давясь смехом.

— Добрый день, Фредрик, — говорит Женя. — Потеряли Оссиана? Он в парке, с Томом.

Неприятное чувство возвращается молниеносно, буквально сбивая с ног. Теперь это уже не легкий холодок в области затылка, а удар в солнечное сплетение.

— Его нет в парке, — говорит Фредрик. — Я только оттуда. Том сказал, что Оссиан должен быть с вами.

— Здесь его точно нет. Вы смотрели на качелях?

— Нет... То есть да. Его там нет, говорю вам... Проклятье!

Развернувшись на каблуках, Фредрик выбегает из корпуса. Бывали случаи, когда дети самовольно покидали территорию детского сада. Как Фелисия, например. Она

успела дойти до дома, прежде чем воспитатели поняли, что случилось. С тех пор у родителей сердце не на месте. Интересно, можно когда-нибудь привыкнуть к этому невыносимому чувству?

Фредрик бежит к холму. Чертова коробка бьет по ногам. Дети шныряют по парку, но ни один из них не Оссиан.

Глаза Тома округляются, когда он видит, что Фредрик вернулся. Кажется, теперь и он понял.

— Оссиан... он должен быть где-то здесь. — Фредрик бросает пакет с «Лего» на траву.

Том спрашивает детей, не видели ли они Оссиана. Игровые домики, конечно. Как он мог о них забыть? Оссиан, конечно, прячется в одном из них. Фредрик бежит к домикам, но уже издали видит, что они пусты. Где еще... В кустах? Среди деревьев? Оссиан не может играть один, следовательно, кто-то должен знать.

Фелиция. Она сказала, что видела Оссиана, пусть даже давно.

Фредрик возвращается к Тому и детям. Пот бежит со лба и по спине, горло готово разорваться от бешеной пульсации. Фелиция, с ведром, строит башни из песка. Как будто ничего не случилось и мир не сорвался с катушек, готовый лететь в тартарары.

— Фелиция, — Фредрик сдерживается, чтобы не напугать девочку, — ты говорила, что видела Оссиана. Когда это было?

— Когда он разговаривал с той глупой тетей, — не отрываясь от песчаного строительства, отвечает Фелиция.

— Глупой... — Фредрик чувствует, как горло становится куском наждачной бумаги. — Это была старая тетя?

Фелиция уверенно качает головой.

— Совсем не старая, — говорит она. — Как моя мама, а ей тридцать пять лет. У мамы недавно был день рождения...

Фредрик с трудом сглатывает. Кто-то был в этом в парке. И разговаривал с детьми... с его ребенком. Женщина. Не воспитательница и не чья-нибудь мама... Незнакомая женщина, посторонняя.

Он присаживается на корточки рядом с Фелицией.

— Кто она, ты знаешь? — Сдерживается, чтобы не закричать. — И почему ты называешь ее глупой?

Фелиция смотрит на него поверх песчаной башни. В глазах — страх и слезы. Даже она понимает: случилось то, чего не должно было случиться. Никогда.

Фредрик отступает на шаг, чтобы сохранить равновесие.

— Мне на фиг не нужны ее игрушки, — медленно выговаривает Фелиция. — Они понравились Оссиану, а не мне. Я хотела погладить щенков, которые были у нее в машине. Но она не разрешила. Только Оссиану. Потом они ушли.

Фредрик чувствует, как в груди у него разверзается черная дыра. В которую он стремительно падает.

* * *

Мина встала у входа и оглядела помещение. Сегодня после обеда людей в спортзале не так много. Это хорошо. И публика в основном в возрасте. Старшеклассники, кроссфит-дамы и мускулистые мужчины уже ушли. В три часа дня по будням здесь заправляют люди посолиднее, которые тщательнее протирают тренажеры, как после себя, так и после обильно потеющих монстров, на смену которым заступают.

Но Мина все равно не хочет рисковать. В кармане тренировочной куртки, как и всегда, тонкие одноразовые перчатки, две маленькие бутылочки с дезинфицирующим средством, салфетки из микрофибры и пакет с zip-локком, куда можно убрать все использованное.

Сегодня в программе тренировок ноги и корпус. Мина натягивает перчатки, подходит к свободному тренажеру для ног и брызжет спреем на все детали. Некоторые ограничиваются обработкой рукояток или, что того хуже, подушкой сиденья. Но микробы, они ведь повсюду. Как можно быть такими беспечными?

Мина складывает салфетку, убирает в пакет и достает новую. Это не спортзал, а инфекционная камера. В тренажерном зале полицейского здания тем более невозможно заниматься. Мина слишком хорошо знает, кто туда ходит. Это все равно что сунуть нос в чужое дерьмо.

Конечно, было бы разумнее тренироваться в маске. С учетом того, что витает здесь в воздухе. Тяжелоатлеты часто пускают газы. При одной мысли о фекальных бактериях, разгоняемых по помещению системой вентиляции, становится трудно дышать. Но маска привлекает слишком много внимания. С другой стороны, есть специальные маски для тренировки дыхательных мышц.

— Вы собираетесь тренироваться или пришли сюда заниматься уборкой?

Мина вздрагивает, поднимая глаза от спинки сиденья, которую только что протирала.

Перед ней мужчина лет семидесяти с лишним. Маленькие круглые очки, седые волосы. В глазах — вопрос. Красная футболка, не для спортзала. Не специальная дышащая ткань, а обыкновенный хлопок. И, конечно, большое влажное пятно на груди.

Мина выпрямляется.

— На вас антисанитарная футболка, — говорит она. — Вы вообще в курсе? Хлопковая ткань намокает от пота, который потом размазывается по тренажерам. Нужно запретить тренироваться в такой одежде.

Мужчина отвечает ей убийственным взглядом, качает головой и уходит. Мина явно не стоит его драгоценного времени. Плевать. Она еще несколько раз проводит по сиденью салфеткой, прежде чем убрать ее в застегивающийся пакет. Садится на тренажер, устанавливает вес. Мужчина в красной футболке подсаживается к вертикальной тяге. Ну конечно, пятно на спине еще больше. Мина морщит нос. Выбор между популярностью и здоровьем для нее очевиден. Пусть оставят свои бактерии себе, как и симпатии.

Мина привыкла, что к ней относятся, как к инопланетянке. Ей плевать. Очевидно, чувство сопричастности

человечеству — такой же миф, как и «родственные души», «любовь до гроба» и тому подобная чушь. Совершенно оторванные от жизни концепции, продвигаемые Голливудом и повышающие градус тревожности в обществе. Было даже одно исследование на эту тему, Мина читала. Оказывается, после просмотра романтической комедии люди чаще оценивают свою личную жизнь как неудавшуюся. Ведь никакие отношения не могут соответствовать придуманной экранной «любви».

Сама Мина ни с кем не чувствовала связи. В настоящее время, по крайней мере. Да и в прошлом, если на то пошло. За исключением того недолгого времени, которое провела с дочерью. Мужчины не вызывали у нее теплых чувств. Тем более никакой «сопричастности», кроме, разве... Да, с ним. С менталистом. Но это было давно¹.

Она видела рекламу его нового шоу в «Фейсбуке»² и почти купила билет. Почти, потому что не была уверена, что справится с собой, когда увидит его на сцене.

Представить только, если он заметит ее в зале...

Мина нахмурилась. В любом случае держать дистанцию безопаснее. С тех пор он не давал о себе знать, и Мина понимала почему. Во-первых, семья. Два года тому назад жена Винсента очень интересовалась их с Миной отношениями, и винить ее за это глупо. Винсент прямо сказал, что Мария ревновала. И события на острове не улучшили ситуации. Мина и Винсент чуть не погибли. Неудивительно, что после этого его жена возненавидела Мину. И дело не в Мине, которая, в конце концов, работала в полиции...

События на Лидё их сблизили, и для Миной такая степень близости оказалась невыносимой. Поддерживать от-

¹ Эта история подробно описывается в романе К. Лэкберг и Х. Фексеуса «Менталист».

² 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

ношения в дальнейшем стало не так просто. Она опять замкнулась в неприступном форте собственной рипофобии, за стенами которого только и чувствовала себя в полной безопасности. Винсента, как ей казалось, тоже вполне устраивало держаться от нее на расстоянии.

Тем не менее...

* * *

— Главное — помнить, что это не всерьез, — сказал Винсент. — Демонстрация сверхъестественных способностей, которых на самом деле у меня нет. Это так, уж поверьте мне.

Он поднял бровь. Напряженная тишина прорывалась нервными, неуверенными смешками — то, что нужно.

Зал «Крюсельхаллен» в Линчёпинге был полон, несмотря на будний день. Тысяча двести человек приехали из города и окрестностей, чтобы увидеть мастера менталиста в этот вечер среды. На взгляд самого менталиста, людей даже многовато. Но его участие в расследовании убийств два года тому назад привлекло большое внимание средств массовой информации. Если Винсент до того и не был публичной фигурой, то, безусловно, стал ею после событий на Лидё. Точнее, не сам Винсент. Никто и по сей день не знал, кто такой Винсент Боман. Мастер менталист — вот кто стал излюбленным героем прессы, и публики тоже. Продажи билетов возросли вдвое после сообщений о том, как он чуть было не захлебнулся в резервуаре с водой.

Его импресарио Умберто сумел скрыть от журналистов подробности участия Винсента в этом деле. Только потому он и имел возможность до сих пор выступать на публике. Общественность наверняка изменила бы отношение к любимому артисту, если б узнала, что он, пусть и невольно, стал причиной смерти трех человек. Сам Винсент, разумеется, не был убийцей. Никого из этих троих, по крайней мере.

Но у журналистов свои представления о виновности и невинности. Поэтому Умберто и сделал все возможное, чтобы сохранить в секрете мотив Яне. Чему в немалой степени способствовал тот факт, что Яне и Кеннет бесследно исчезли с лица земли.

«Экспрессен» одно время попыталась раскопать историю гибели матери Винсента. Узнав об этом, Умберто налетел на них как ястреб: или они навсегда оставляют эту тему, или не получают от него больше ни одного пресс-релиза и не сделают ни одного интервью с артистами, которых он представляет. Им решать, стоит ли история почти полувековой давности таких жертв. Журналисты решили, что не стоит. Винсент догадывался, что не последнюю роль в этом сыграл итальянский темперамент Умберто.

Тем не менее информация о том, что убийца посылал Винсенту сообщения, просочилась в средства массовой информации. И эта история настолько будоражила воображение, что просто не могла не начать жить собственной жизнью.

Люди присылали Винсенту свои версии происшедшего, даже не задумываясь о том, насколько это бестактно. Впрочем, он хорошо их понимал. Иначе не был бы менталистом.

— То, что я сейчас буду делать, перенесет нас в начало прошлого века, когда такие эксперименты были в моде, — продолжал он. — Схожие приемы используют создатели новых религий. Новых сект, во всяком случае.

Сцена оформлена в стиле салона конца девятнадцатого века. Два кожаных кресла. В одном мужчина из публики, поза и лицо выдают крайнюю степень напряжения.

Ранее Винсент спросил, есть ли у кого-нибудь из присутствующих медицинское образование. Нужен кто-то, кто умеет нащупать пульс. В числе прочих поднял руку этот мужчина. Он был совершенно спокоен, когда менталист попросил его подняться на сцену. Даже смеялся. Но после того, как Винсент дал ему подписать бумагу, освобождающую мужчину от всякой медицинской и юри-